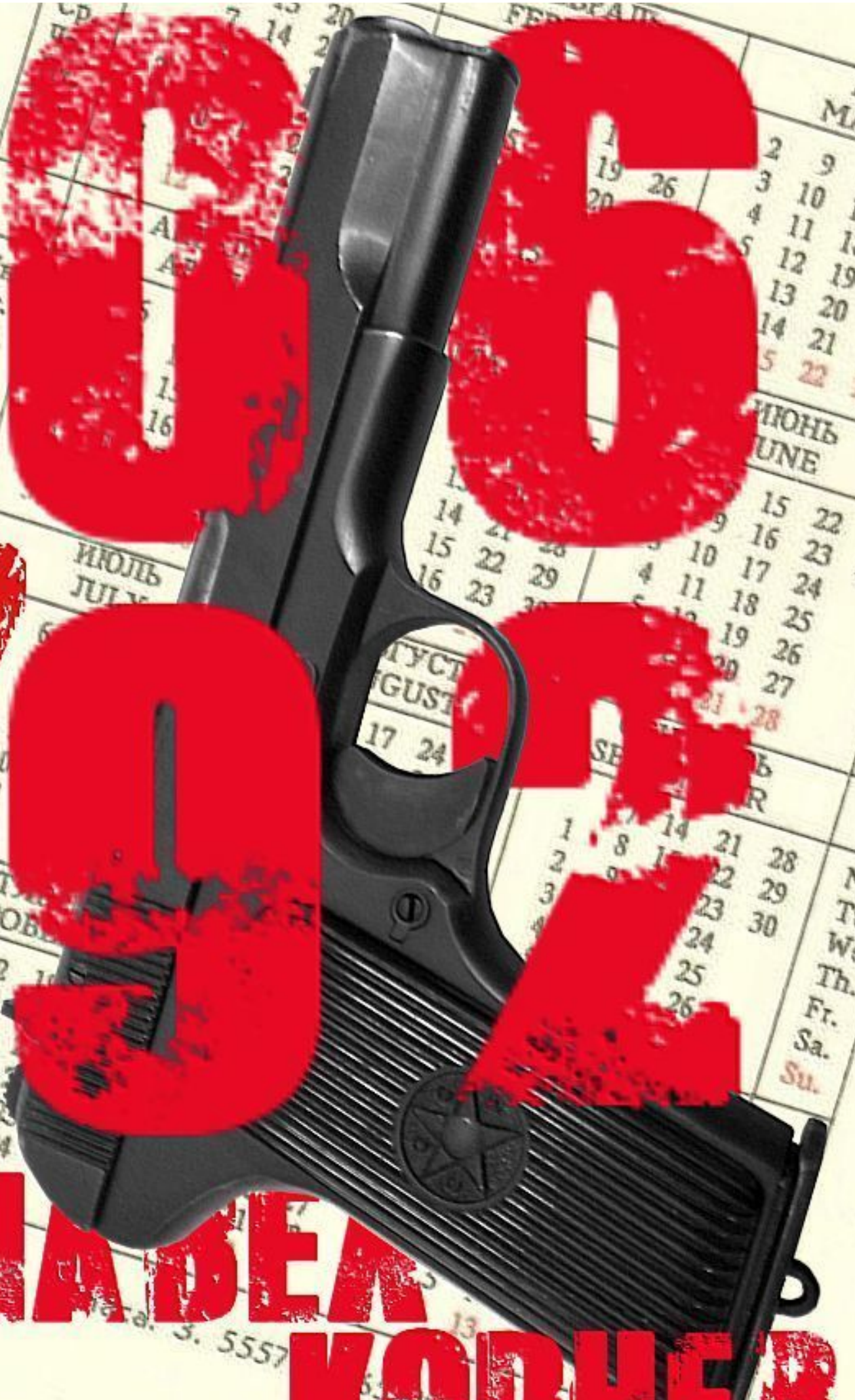

УБО

ОП

**ПАВЕЛ
КОРНЕВ**

Павел Корнев

06'92

«Автор»

2020

Корнев П. Н.

06'92 / П. Н. Корнев — «Автор», 2020

Дембель. Июнь. Год девяносто второй. Утро. Похмелье. Друзья. Плёвое дело, лёгкие деньги. Вишнёвая «шестёрка». Левый ствол. Труп на заднем сиденье, труп в багажнике. Лопата. А позади – проблесковые маячки. Что-то явно пошло не так...

© Корнев П. Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

16 06 1992	5
16 06 1992	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Павел Корнев

06'92

16|06|1992

утро

Дембель и похмелье – близнецы-братья. И если дембель неизбежен как крах мирового империализма, то насчёт похмелья сомневаться и вовсе глупо. Будет оно, непременно будет. Дело ведь даже не столько в окончании срочной службы и желании это знаменательное событие отметить, сколько в отсутствии каких-либо причин сохранять трезвость и дальше. Долгих два года ты был одним из бойцов великой и непобедимой и над тобой довлел устав, а за моральным обликом следили отцы-командиры, и вот уже – гражданский человек. Работу ещё не нашёл и пока что – или уже? – нет девушки, зато рядом друзья и шуршит в кармане жиденькая стопочка деревянных, которые надо поскорее потратить, пока они не обесценились в конец. И значит – что? Всё верно: опять нет повода не выпить.

Ну мы с Герой и выпили. Набрались изрядно, при этом, по счастью, обошлось без последствий. Как вернулся домой, я не помнил, но дошёл, и это главное. Мог бы и в трезвяк загреметь. Только вот похмелье...

Кое-как разлепив глаза, я перевернулся набок, полежал так немного, затем уселся на диване. В голове колыхнулся студень из боли и перемолотых мозгов, но зато на костяшках не обнаружилось свежих ссадин, а значит, и в самом деле обошлось без приключений. По нынешним беспредельным временам – исключительное везение. Хотя у нас и при застое выхватить по пьяному делу было проще простого.

Как был в семейных трусах, я ушёл в ванную комнату. Первым делом до упора выкрутил кран холодной воды, напился и умылся, затем немного поколебался, но всё же принял контрастный душ. Решение оказалось верным на все сто – дурная маета прошла, отступила похмельная депрессия и даже чуть меньше стала болеть голова. Но это не точно.

– Збс... – проворчал я, отфыркиваясь, после растёрся вафельным полотенцем и, шлёпая босыми ступнями по линолеуму, вернулся к себе, где на паркетный пол был постелен двухцветный палас с геометрическими узорами. Там натянул спортивные штаны и отправился на поиски цитрамона.

В большой комнате чёрно-белый телевизор что-то негромко бормотал о государственной программе приватизации, но дядя его не слушал. В трениках и тельняшке он курил на кухне у распахнутого окна.

– Здоров, – пробурчал я. – Цитрамоном не богат?

Дядя Петя затынулся, после вдавил беломорину в пепельницу каслинского литья, выдул на улицу струю вонючего сизого дыма и подсказал:

– На холодильнике глянь.

Я достал картонную обувную коробку, забитую пузырьками и бумажными ячеистыми упаковками таблеток, отыскал цитрамон и закинул в рот слегка коричневатый кругляш. После склонился к кухонному крану, глотнул воды. Вытер губы тыльной стороной ладони и посмотрел на отрывной календарь на стене, но тот неожиданностей не преподнёс.

Шестнадцатое июня, вторник

Дядя Петя – нестарый ещё военный пенсионер, высокий и сутулый, с порыжевшими от папиросного дыма усами глянул на мою похмельную физиономию и щёлкнул жёлтым от никотина ногтем по бутылке портвейна «три семёрки», уже ополовиненной.

– Подлечишься?

Я судорожно сглотнул и помотал головой.

– Не-а.

– И правильно! – одобрил это решение дядя Петя и набулькал себе ещё полстакана. – Ты своё вчера выпил. На рогах приполз, чуть все косяки не посшибал!

– Не помню.

– Хотя не «Рояль» из польских опилок брали?

Я наморщил лоб и пробормотал:

– Этого... как его... Гера пару бутылок притащил...

Закрыв ладонью правую сторону лица, и дядя Петя предположил:

– «Распутина», что ли?

– Да не, – отмахнулся я. – «Терминатора»!

– Что за зверь?

– Из фильма это. Киборг-убийца.

Дядька покачал головой, пробормотал что-то о падении нравов и приложился к стакану с портвейном. После крякнул и спросил:

– Гера – это который Буньков, одноклассник твой бывший? В сто двадцать втором доме живёт?

– Он.

– Тьфу ты! – расстроился дядя Петя и вытянул из лежавшей на столе пачки новую папиросу. – Свяжешься с ним, проблем не оберёшься!

Я присел на шаткий табурет и недоверчиво хмыкнул.

– С чего бы это?

– А рэкетир он! – выдал дядька. – Шестёркой в бригаде Хиля бегал. Они сначала кооператоров трясли, потом спекулянтов крышевали и с пары блошиных рынков дань собирали. За охрану, вроде как.

Гера мне ни о чём таком не говорил, так что я любопытствовал:

– Бегал? А сейчас что?

– Хиль валютных жучков решил подоить, да силёнок не рассчитал, подавился. С грузинами схлестнулся, а те и сами не мальчики для битья, и ментов купленных подтянули. Кого-то из людей Хиля закопали, кого-то посадили. Сам он в федеральном розыске сейчас.

– А Гера?

– Говорю же – шестёрка. Рёбра ему поломали в самом начале, так он всё веселье в больнице и пропустил. После о нём уже и не вспомнил никто.

Я pokrutil головой, осмысливая услышанное, и спросил:

– Дядь Петь, ты откуда всё это знаешь?

– Никифоров, участковый наш, просвещает о жизни на районе. Мы с ним по субботам в баню ходим. Так что с Герой не хороводься. А то он всегда тобой вертел, как хотел. Вечно хвостиком за ним бегал!

– Да ладно, блин! Ты меня за кого держишь? Вот прямо в бандиты пойду!

Дядя Петя чиркнул спичкой о боковину коробка, прикурил и снова перебрался на подоконник, только на этот раз ещё и со стаканом.

– И пойдёшь, почему нет? – пыхнул он сизым дымом. – Времена дурные настали. Это раньше только блатные со своими понятиями были, сейчас каждый норовит кусок послаще урвать. Афганцы, спортсмены, продажные менты, кавказцы... Да что там говорить! Мальчики мечтают стать не космонавтами, а бандитами. Девочки не балеринами, а валютными прости-

тутками. И это не я придумал, это в новостях результаты соцопроса озвучили. – Дядя Петя потёр лоб и усмехнулся. – Но проститутка – это ладно. В конце концов, лучше дочь-проститутка, чем сын-ефрейтор...

Я в сердцах матернулся.

– Товарищ капитан второго ранга! У вас на флоте ефрейторов нет, откуда эти сухопутные приколы?

– Правда глаза колет? – хохотнул дядя Петя. – Ничего-ничего, демобилизовался ефрейтором, терпи. И с Герой не якшайся. Он тебя плохому научит.

– Да не собираюсь я в бандиты! Что за дичь?!

– И чем займёшься? К родителям в колхоз поедешь коровам хвосты крутить?

– В универ поступлю. На очное.

– Вот ты деловой! А кормить тебя кто будет? На стипендию не проживёшь. Лучше на завод устройся, учиться и на заочном можно.

– А на заводе меня кто кормить будет? У Геры батя то ли с марта, то ли с апреля без зарплаты сидит. А у Андрюхи Фролова родителей на тракторном вообще в неоплачиваемый отпуск отправили, они на дачу перебрались, картошку и помидоры растят.

– Есть такое дело, – нехотя признал дядька. – Хорошо тем, у кого пенсионеры в семье есть, – пенсию хоть как-то выдают, а так и зубы на полку положить недолго. И я так тебе скажу: дальше только хуже будет. Вчера Гайдара премьером утвердили – а ты его видел? Слышал, какую ересь он несёт? «Идут радикальные преобразования, с деньгами сложно, а уход из жизни людей, неспособных противостоять этим преобразованиям, – дело естественное». Сволочь перековавшаяся! У самого ряха скоро треснет, непонятно, как ещё в телевизор вмещается! Хлебнём мы с ним лиха, полной ложкой хлебнём!

В коридоре задребезжал телефон, я вышел из кухни, снял с прикрученного к стене аппарата трубку и сказал:

– Алё!

– Серый, ты как – живой? – послышался голос Геры.

– Почти, – вздохнул я. – Может, по пиву?

– Сейчас подойду, решим.

– Тару брать? – спросил я, глянув на трёхлитровую банку с наброшенной на неё авоськой.

– Решим. Тут дельце небольшое нарисовалось. Надо кое с кем перетереть, а дальше уже видно будет.

– Давай короче.

Я опустил трубку на рычажки и на кухню к дядькиному ворчанию уже возвращаться не стал, пошёл в комнату одеваться. Увы, без валяния на земле вчера дело всё же не обошлось: рубашка и брюки оказались перепачканы в пыли; пришлось рыться в ящиках в поисках сменной одежды. Небо сегодня затянули тучки, а верхушки деревьев раскачивал ветер, так что свой выбор я остановил на тёмно-синих штанах свободного кроя с широкими красными лампасами и олимпийке, которую натянул прямо на голое тело. Тугая резинка штанов непривычно сильно сдавила в поясе, не пришлось даже подтягивать завязки, а вот вьетнамские кроссовки,шитые не из кожзама, но вроде как даже из натуральной свиной кожи, сидели на ногах после кирзачей будто влитые.

Наскоро рассовав по карманам ключи и мелочь, я предупредил дядю:

– Пойду, прошвырнусь, – и захлопнул за собой лязгнувшую «английским» замком дверь.

Лифт ждать не стал и по давней привычке спустился с восьмого этажа пешком, попутно полюбовался наскальным творчеством подрастающего поколения, но рисунки и надписи на местами осыпавшейся штукатурке за два года армейской службы никак принципиально не изменились. Пара почтовых ящиков внизу чернели копотью, у нескольких не закрывались гнутые крышки, и я без зазрения совести позаимствовал у кого-то из соседей сегодняшнюю газету.

«Жильё 2000 – миф или реальность» – гласил заголовок передовицы; я фыркнул и вышел на улицу. На лавочке у подъезда увлечённо лузгали семечки двое парней, смотрели они во двор и меня заметили только после того, как один – смуглый и черноволосый – получил свёрнутой в трубочку газетой по макушке.

– Ай, бя! – вскинулся короткостриженный татарчонок в футболке и спортивных штанах с тремя полосками. Он резко обернулся и сразу расплылся в улыбке. – О, Енот! Дембельнулся, что ли?

– Привет, Санёк, – протянул я руку пареньку с вполне объяснимым прозвищем Татарин. – Самого-то не загребли ещё родине служить?

– Не, в следующем году только призыв.

Второй пацан, пошире в плечах и стриженный под расчёску, только с длинной чёлкой тоже поднялся на ноги.

– Привет.

Лицо с юношескими угрями на щеках оказалось незнакомым, но я поздоровался в ответ, а затем указал на шелуху.

– Чё мусорите?

Пацаны переглянулись и заржали.

– Гашеные, что ли? – догадался я.

– Курнули чуток, – подтвердил Саня и предложил: – Будешь?

– Семечек лучше отсыпьте, – попросил я и начал разбирать газету на отдельные листы. – Держите, кульки делайте.

Саня спорить не стал, один лист оставил себе, другой сунул приятелю, и тот заинтересовался афишей кинотеатров.

– Может «Конана-варвара» заценим? Там Шварц. В «России» идёт. Или вот пишут, в «Родине» показ «Дикой орхидеи» продляют по многочисленным просьбам. На вечерний сеанс можно забуриться.

– Колян, не гони. Понимаю ещё в «Аврору» сходить или в «курятник», но не на другой же конец города ехать! Лучше видак возьмём на день и посмотрим! – отмахнулся Саня, отсыпал мне семечек и спросил: – Серый, ты откуда такой загорелый? Где служил?

– В двести первой в Таджикистане.

– И как там? Говорят, русских гонят?

– И не только гонят, оккупанты же типа. Дружба народов в полный рост. – Я поморщился от не самых приятных воспоминаний, сплюнул в газетный кулёк шелуху и сменил тему разговора. – Вы чего здесь трётесь?

Саня жил в соседнем доме и делать ему в нашем дворе было совершенно нечего.

– Мы с Тохой забились встретиться. Сидим, ждём.

Тоха – это Антон Буньков с шестого этажа, двоюродный брат Геры. Он, если и младше этих пацанов, самое большее на год.

Какое-то время мы стояли и лузгали семечки, затем Коля оглядел пустой двор, отложил кулёк с шелухой и стал рыться в лежавшем на коленях пластиковом пакете с изображением букета белых роз. Отыскав там папиросу, он ловко размял её пальцами и выдул табак на газон, раскрыл спичечный коробок с анашой и принялся набивать косяк.

– Вот вы совсем без палева! – фыркнул я и огляделся, но в будний день двор был пуст. Только от теннисного столика доносился перестук мячика, да на спортивной площадке играла в футбол мелюзга.

Саня беспечно рассмеялся, но мигом поскукчел, когда во двор въехал пятидверный синий «москвич-2141», своим приплюснутым видом внешне напоминавший утюг.

– Блин, вот так всегда! Только забьёшь и сразу бакланы на хвост падают! – пожаловался он. – Колян, коробок рече прячь. Не пали нас, Серый, лады?

Я с усмешкой кивнул. «Москвич» остановился у подъезда, со стороны водителя распахнулась дверца и наружу выбрался Гера Буньков собственной персоной. Невысокий и плотно сбитый, в спортивном костюме и с золотой цепочкой на шее он вполне подходил под представление обывателей о типичном рэкетире, хоть славянская физиономия без малейшего намёка на щетину была ничуть не бандитской, да и цепочке определённо недоставало толщины. А что нос набок свёрнут и костяшки сбиты, так для наших мест это скорее правило, нежели исключение из оногo. Левую бровь так и вовсе не в драке рассекли, а хоккейной шайбой. Сам и рассек. Мощно щёлкнул, было дело.

– Ты чего на тачке притащился? – возмутился я. – А пиво как? У меня трубы горят!

Гера досадливо махнул рукой.

– Сказал же – дельце небольшое нарисовалось. Сейчас всё решим. – Он подошёл, поручкался со мной и пацанами, после спросил: – Кумарите?

– Ну да, – кивнул Санёк и поторопил приятеля: – Колян, взрывай уже. Подлечи только.

Паренёк облизнул палец и послунывил им конец папиросы, потом запалил спичку и глупо затаился, заперхался, пытаюсь удержать в лёгких дым. Дальше затяжку сделал уже Санёк, от него косяк перешёл Гере. Мой приятель с сомнением глянул на папиросу, но всё же отказываться не стал, а вот я отрицательно помотал головой.

– Мне без пива не идёт.

– Может, парика задуть? – сипло произнёс он, понемногу выдыхая дым.

– Не хочу.

Гера пожал плечами и вернул косяк Коле, не забыв предупредить:

– Лечи. – После уставился на Санька. – Есть ещё?

– Последнее забили.

– Да чё ты мне чешешь!

– Да в натуре нет больше! Отвечаю!

– В школе отвечают.

– Блин, Гера, не грузи, а? – попросил Саня и указал на цветастый пластиковый пакет. – Сиги возьми, не жалко. Травы нет.

Папироса сделала ещё один круг, а когда конопля в ней осталось с ноготь большого пальца, Гера аккуратно забычковал косяк и спрятал в карман треников.

– Ты чего? – возмутился Санёк.

– Пятку Серому оставляю.

Пацаны зло переглянулись, а Гера по-хозяйски заглянул в лежавший на лавке пакет и присвистнул.

– Ни фига себе, сказал я себе!

Я посмотрел ему через плечо и увидел целую россыпь сигарет. В основном те были без фильтра – «Астра» и «Прима», но хватало и нормальных. Гера начал придирчиво ворошить их, предпочитая «Родопи», «Космосу» и «Монте-Карло» более престижные «Парламент», «Мальборо», «Кэмел» и «Винстон».

– Это кто вас подогрел? – не сдержал я удивления.

Пацаны рассмеялись.

– Бабок ходили трясти, – объяснил Санёк. – Семечек и курева подняли.

Гера до упора забил сигаретами свою пачку и жадничать не стал, кинул пакет обратно на лавку.

– Вот вы тупорылые, – покачал он головой. – Менты примут, даже если не закроют, почки точно отобьют. Они ж тех бабок и доят.

Татарчонок захихикал, глянул на приятеля, и пацаны покатались со смеху.

– Тут кора была, – отсмеявшись, решил пояснить причину веселья Саня. – Вчера луноход подъехал, все во двory щеманулись, менты за ними, а я в стороне со всем палевом на заборе

сiju. Мусора на меня ноль внимания и мимо чешут, а наши: «Беги, Санёк! Беги!» Олени, блин! Я с забора долбанулся, штаны порвал, еле смылся.

Я представил себе эту картину и невольно улыбнулся. Тут послышался шум лифта, лязгнули дверцы, и к нам из подъезда вышел весь какой-то прилизанный паренёк с пробивающимися над верхней губой юношескими усиками. В одной руке он держал нечто вроде клавиатуры с проводами, в другой нёс забитый магнитофонными кассетами пакет.

– Привет, братва!

Распространяя крепкий аромат мужского одеколона, Антон Буньков подошёл, кинул свои вещи на лавку и поздоровался со всеми за руку.

– Принесли? – спросил он у Санька.

– Всё чётко, – подтвердил татарчонок и указал на пакет. – Зырь.

– Тогда на неделю «Спектрум» ваш. Только мафон сами ищите.

– Закешь, какие там игры, – попросил Коля и полез смотреть кассеты, а Тоха придирчиво оценил количество сигарет в пакете, достал одну и прикурил от газовой зажигалки.

Он всегда был тем ещё жуком, вот и сейчас выцыганил себе никак не меньше блока курева, просто уступив на неделю домашний компьютер. Одно слово – барыга. Ещё и прикид модней некуда: кожаные мокасины, импортные варёные джинсы, рубашка в разноцветную полоску с вышитым над кармашком крокодильчиком – «Лакоста» и по виду фирменная.

– Весь стильный, прям, – усмехнулся я, не сдержавшись.

Антон оглядел меня с головы до ног и презрительно фыркнул.

– Да уж не лампасник, как ты! Енот, ты из какого года выполз?

– Из девяностого, – на полном серьёзе ответил я и, заметив на кисти пацана воспалённую точку ожога, какие остаются, когда о кожу гасят бычки, спросил: – А с рукой что?

– Босс сигарету затушил.

– Чего?! – взвился Гера. – Он вообще всё на свете попутал?!

– Да успокойся, Жорж! – отмахнулся от брата Тоха. – Нормально всё. Просто базар про силу воли зашёл. На что кто готов пойти, чтобы добиться своего и всё такое. Босс и предложил полсотни баксов, если дам окурков о руку затушить.

Пятьдесят долларов – это около пяти тысяч в рублях на чёрном рынке, сумма серьёзная, но я целиком и полностью согласился с Генкой, когда тот, покрутив пальцем у виска, выдал:

– Ну ты гонишь...

– Да не в бабках дело! – разозлился Антон и нервно потёр обожжённую руку. – Это проверка, понял? Надо заранее знать, можно с человеком дела вести или тот засыт, когда что-то серьёзное подвернётся!

Меня эти слова убедили мало, да и на остальных, судя по их взглядам, особого впечатления не произвели. Правда, о пацанских понятиях никто вспоминать не стал. Толку-то распинаться? Братец у Геры всегда гниловатый был. Не понимает, какое запаadlo так прогибаться.

– Что за босс? – любопытствовал я. – Новый русский, что ли, – так баксами сорить? Откуда они вообще у него?

Антон вопрос проигнорировал, выкинул недокуренную сигарету в кусты и взял с лавки пакет; вместо него ответил Коля.

– Обычный барыга, на Зелёном точку держит.

– Обычный, ха! – не сдержавшись, фыркнул Тоха. – Да мы такие дела скоро крутить станем, облезете!

Я не удержался и спросил:

– Больше он тебе ничего не прижигал? Ну знаешь, как говорят: есть один папирос, но он к телу прирос?

Пацаны так и прыснули со смеху, а вот Антону шутка смешной не показалась.

– Совсем офигел? – взвился он.

– А что? Если не за пятьдесят, а за сто долларов?

– Да пошёл ты, Енот! Всегда полудурком был, а в армейке, видать, деды совсем кукушку стрясли! Частенько дужкой от кровати прилетало?

– Помойку завали! – рыкнул я и шагнул вперёд, но Гера загородил от меня двоюродного брата.

– Хорош, Серый, – попросил он, после развернулся к не по годам наглому родственнику. – Тоха, начинай уже базар фильтровать. А то борзый стал, сил нет. И ты не ответил: зелень у твоего торгаша откуда?

– Да не торгаш он, а деловой! – вспыхнул Антон. – С такими людьми знаком, о-го-го! Точка со шмотками на Зелёном – не главное, основной доход от продажи долларов и марок идёт. А на мне теперь скупка золота. – Пацан достал из кармана небольшие плоскогубцы и с гордостью продемонстрировал их нам. – Вся фишка в том, чтобы сразу серьги и кольца в комок смять. Тогда, даже если они краденные и менты примут, терпилы уже не опознают. А стоимость всё равно исключительно от веса и пробы зависит.

Я решил, что продуманный торгаш использует малолетку там, где не хочет палиться сам, и покачал головой, поражаясь дурусти Антона. Хотел сказать об этом балбесу, но обратил внимание на въехавшую во двор чёрную «волгу» двадцать четвёртой модели, которая, переваливаясь на ямах и выбоинах в асфальте, медленно-медленно покатила вдоль дома в нашу сторону.

Внутри сидели двое в пиджаках и при галстуках, так что я негромко произнёс:

– Гера, брось каку.

Приятель понял намёк с полуслова, развернулся боком и незаметно скинул под ноги недокурный косяк. Сразу наступил на него и растёр подошвой по бетону. Предосторожность оказалась отнюдь не излишней: машина и в самом деле не проехала мимо, а остановилась рядом с «москвичом». Из салона к нам выбрались и водитель, и пассажир; первый помоложе и поплотнее, второй уже с сединой и цепким взглядом, какой бывает у людей вполне определённого рода деятельности.

А мы что? Стоим курум. Правда, Коля, коробок с травой то ли не сообразил, то ли побожился на глазах у Геры скинуть, но это исключительно его проблемы. Даже если оприходуют барана, мы не при делах.

Товарищи в строгих костюмах подошли и оглядели нас, затем водитель спросил:

– Молодые люди, Лидию Светлову знаете?

Коля и Санёк вздохнули со столь откровенным облегчением, что оно точно не укрылось от внимательного взгляда седого.

– Это с шестого этажа которая? – поспешил я отвлечь его совершенно излишним уточнением.

Излишним оно было по той простой причине, что половозрелому молодому человеку с нормальной ориентацией жить в одном подъезде с Лидкой и не обратить на неё внимания было решительно невозможно. Когда уходил в армию, за этой пятнадцатилетней красоткой волочилось сразу несколько воздыхателей и не только из числа ровесников, но и ребят на год или два постарше и даже моих сверстников. Оно и немудрено: фигура стандарта девяносто-шестьдесят-девяносто у неё оформилась уже классу к шестому, мордашка с выразительными синими глазищами и губками бантиком была на редкость смазливой, а ноги, что называется, росли «от ушей». Плюс в наличии имелись общительный характер и модные импортные шмотки, которыми Лидку исправно снабжал души не чаявший в своём чаде папёнышка.

И сейчас, зуб даю, этих товарищей интересуется именно Лев Светлов, но никак не его разбитная доченька. Та самое большее в нетрезвом виде могла попасться – с такой мелочёвкой поручили бы участковому разобраться, но никак не эдаким волкодавам. Пусть за два года в стране всё и встало с ног на голову, но из пушек по воробьям не стреляют. А вот Светлов –

мишень достойная, он на металлургическом заводе каким-то немаленьким начальником трудится.

– Да, именно с шестого, – подтвердил седой, склонил голову набок и поинтересовался: – Когда видели её последний раз?

– Года два назад, – усмехнулся я и пояснил: – Только вчера из армии пришёл. После возвращения не встречал ещё.

– А вы? – обратился седой к остальным.

Тоха чего-то застеснялся и промолчал, за всех ответил Гера.

– А мы не из этого двора, – сказал он и указал на меня: – Мы к нему пришли. Дембель отмечать.

Следующий вопрос вновь задал водитель.

– А друзей Лиды не знаете, случайно? – спросил он. – Круг общения у неё какой? Кто к ней приходит, она с кем гуляет?

– У её одноклассницы Зины Марченко попробуйте узнать. Сто шестьдесят девятая квартира, она подскажет, – посоветовал я, остальные промолчали.

Типы из «волги» переглянулись и больше спрашивать ни о чём не стали, ушли в подъезд. Лязгнули дверцы лифта, и Санёк озадаченно поскрёб бритый затылок.

– Тоха, а Лидка – это не та чёрненькая, с которой мы тебя в «Авроре» на той неделе встретили? Ты ещё сказал – соседка. Колян, помнишь, такая с большими... глазами, – уточнил описание татарчонок, но руками на себе показал размеры отнюдь не глаз. – Тоха, ты чё молчал-то?

– Больше делать нечего, с мусорами базарить! – огрызнулся Антон и презрительно оттопырил губу. – Не по понятиям это!

– А это не мусора были, – со всей уверенностью заявил я.

– Кто тогда?

– Особисты.

– Кто?!

– Гэбэшники.

– Да ты гонишь, Енот! – не поверил Антон.

Санёк приятеля поддержал, напомнив:

– Серый, их упразднили ещё в январе!

– Не упразднили, а переименовали, – поправил его Гера. – Если вашу шарагу колледжем назвать, думаешь, что-то изменится? Люди-то никуда не делись. Эти кручёные, сразу видно.

– Ещё ОБХСС подходит, в принципе, – предположил я.

– Сейчас это ГУЭП, – просветил меня Буньков и покачал головой. – В костюмчиках, на чёрной «волге»... Да нет... Спорить не возьмусь, но на гэбэшников больше похожи.

– Да без разницы, блин! – засуетился Коля, схватив «Спектр» и пакет с кассетами. – Санёк, валим!

Они быстро ушли, и столь же поспешно убрался со двора и Антон. Да и Гера надолго не задержался. Он залез на пассажирское сиденье «москвича», вытащил из бардачка солнцезащитные очки и нацепил их на нос, желая скрыть покрасневшие глаза, а после этого предупредил:

– Мне с Сивым потрещать надо, он просил зайти. Только туда-обратно сбегаю и вернусь. Я недолго.

– Вот ты молодец... – проворчал я и опустил на лавочку. – Давай короче!

Гера не стал брать машину и потопал на встречу пешком. Идти тут было всего ничего: сразу за домом начинался гаражный кооператив, на краю которого в одном из боксов Сивый устроил небольшой автосервис, на излёте советской власти – подпольный, а теперь, наверное, просто частный. Предприимчивого автомеханика я знал не слишком хорошо, хоть мы и жили

в соседних подъездах. Сивый среди моих сверстников считался «старшаком». Вечно тёрся с цыганами и вроде как даже толкал для них маковую соломку, но не сторчался, не сел и не схлопотал перо в печень, а неплохо так преуспевал. Ну да и хрен бы с ним...

Какое-то время я просто сидел на лавочке и бездумно лузгал семечки. Когда те уже подходили к концу, из подъезда вышла тётка, оглядела заплёванный пол и злобно воззрилась на меня, но газетный кулёк сошёл за алиби и спас от неизбежных в иной ситуации нравоучений. В итоге я кинул его в урну и совсем уже надумал сходить за новой газетой, дабы развлечься чтением новостей, но тут появился Гера, чем-то до крайности озадаченный.

– Ты чё такой убитый? – спросил я. – Накрыло, что ли?

– Да чего там будет с пары хапок? – отмахнулся мой приятель. – Просто на дельце подписался, но как-то стрёмно в одного. Не хочешь компанию составить? Там ничего сложного – обстрипать, раз плюнуть. Всех хлопот на два часа.

Я не хотел. Я хотел пива. Так прямо об этом и сказал.

– На пивос нужен лавандос! – резонно возразил Гера. – У тебя как с баблом?

– Не особо.

– Та же фигня. А тут дело быстрое и непыльное. Управимся до обеда, а платят штукарь. Плохо разве?

Я скептически посмотрел на приятеля, но всё же разрешил:

– Выкладывай.

Дельце и в самом деле оказалось непыльным – в том плане, что не вагон с углём Гере разгрузить предложили, – и одновременно насквозь незаконным. При этом доказать злой умысел и подвести его под статью УК было делом попросту нереальным, если только не даст слабину и не расколется один из подельников. Нужно было поучаствовать в автоподставе.

– Сивый говорит, коммерс поедет, такого на бабки не развести – грех. Это тебе не инженер зачуханный. Когда он мне в зад въедет, пацаны подтянутся и сами всё разрулят.

– Два вопроса, – вздохнул я. – Нафига тебе я, если вас там целая бригада?

– Нет никакой бригады. Сивый с корешем в деле и я.

– Втроём не справитесь, что ли?

– Серый, не тупи! Подставляться я буду, пацаны следом за коммерсом поедут, типа свидетели. Пока то, да сё, терпила и за монтировку схватиться может. Народ сейчас борзый пошёл, сам знаешь. А на двоих он точно не кинется. Ты просто рядом постоишь, лицом поторгуешь.

– Ладно, – хмыкнул я. – Второй вопрос: ты за штукарь машину свою бить собрался?

Гера фыркнул, отошёл от лавочки к «москвичу» и поманил меня за собой.

– Иди сюда!

Я обогнул автомобиль и присвистнул. Задний бампер автомобиля держался на честном слове, одно крыло уродовала глубокая вмятина, другое и вовсе было разорвано и загнулось в сторону заострённым краем. Как видно, подставами Гера промышлял далеко не первый раз.

– Сивый обещал в сервисе тачку подшаманить. Ну и косарь сверху дал.

– Как-то жидко, – не поверил я. – Колись уже, давай!

Глаз за солнечными очками видно не было, но физиономия приятеля явственно поскучилась.

– Денег я ему торчу. Мне долг спишут.

– Тебе спишут, а я?

– А тебе штукарь, – сказал Гера и зашелестел вытащенными из кармана купюрами. – Серый, побойся бога, люди в месяц и пятёрки не поднимают, а тебе за пару часов косарь обломится!

Я покачал головой.

– Нас двое – это две тысячи.

– Не пойдёт, – пошёл в отказ Гера. – Я Сивому о тебе ничего не говорил и переигрывать уже не буду. Да – да, нет – нет. Мне край с ним закорешиться надо, он обещал с нужными людьми свести. Поможешь – о тебе не забуду, ты меня знаешь.

По всему выходило, что моего дружочка подрядили отработать долг, а тысячу он предлагает из собственного кармана, так что и дальше настаивать на своём я не стал, лишь для порядка уточнил:

– А менты?

– Да какие менты? Подставляться на окраине будем, там с одной стороны кладбище, с другой парк. Место хорошее, не парься даже.

Я заколебался, Гера уловил мои сомнения и взмолился:

– Поехали, Серый! Не в службу, а в дружбу! Очень выручишь!

– Хрен с тобой, золотая рыбка, – вздохнул я, забрал у приятеля двухсотки с чеканным профилем Ленина на одной из сторон, демонстративно пересчитал купюры и сунул их в карман штанов.

– Погнали! – обрадовался Гера и уселся за руль.

Я устроился рядом и потянулся закрыть бардачок, в крышку которого упёрлись колени, но заметил в нём добротные кожаные перчатки, достал их и надел.

– А клёвые! – сказал, несколько раз сжав и разжав кулаки.

– Мне тоже нравятся, – многозначительно произнёс Гера, но требовать вернуть имущество не стал.

Ну а я не стал приглянувшиеся перчатки снимать, рывком закрыл дверцу, и Гера нервно ругнулся.

– Полегче! Холодильником хлопать будешь!

– Иди в жопу, – послал я приятеля, и мы выехали со двора.

Место для подставы оказалось и в самом деле выбрано с умом: дорога там не только шла под уклон, но ещё и закладывала достаточно крутой поворот, поэтому на неожиданное препятствие водитель среагировать никак не успеет. А что наше появление будет неожиданным, сомневаться не приходилось: разросшиеся деревья полностью закрывали боковой съезд, куда Гера и загнал свой «москвич».

– Что самое интересное, – хохотнул он, – там в кустах знак «Уступи дорогу». Даже если гаишников вызывать, он всё равно кругом неправ окажется.

– Даст ментам на лапу, они сейчас через одного берут, и крайним тебя назначат.

– Дал бы, да кто ж ему это сделать позволит?

Я кивнул и невольно начал прикидывать, где в «зелёнке» могли засесть душманы, но сразу поймал себя на этом армейском атавизме и выбрался из машины оглядеться. Гера тоже в салоне оставаться не стал, прошёлся по обочине метров пятнадцать и закурил.

– Не пропустим их? – забеспокоился я.

– Смотри, отсюда дорога нормально просматривается. Ты здесь стой, как малиновую «волгу» увидишь, сразу ко мне в тачку прыгай.

– Малиновую? – опешил я. – Ты сейчас шутишь?

– Дешёвый понт дороже денег.

– А модель какая?

– Без понятия. Да и неважно: случайная красная «волга» здесь точно не поедет.

– Логично, – хмыкнул я и направился к месту грядущего дорожно-транспортного происшествия.

– Ты куда? – забеспокоился Гера.

– Осмотрюсь! – откликнулся я, но по факту смотреть было особо не на что.

С противоположной стороны шла кладбищенская оградка, за кустами там виднелись подхившие к ней вплотную могилки с неизменно заросшими травой надгробиями и покосившимися памятниками с ржавыми звёздами на треногах. Момент мори, как оно есть. И сик транзит глория мунди до кучи.

По нашей обочине вдоль поворота тянулся отбойник, который даже при самом паршивом раскладе удержит «москвич» от съезда в кювет, а не удержит – тоже не беда. Уклон был не слишком крутой и относительно ровный, до встававших стеной деревьев оставалось на вскидку ещё пятнадцать-двадцать метров.

По вдолбленной отцами-командирами привычке я наметил возможные пути отхода и вернулся на указанное приятелем место, откуда дорога и в самом деле просматривалась достаточно хорошо. Свесив ноги из распахнутой дверцы, Гера сидел вполборота на водительском месте «москвича», и то поглядывал в мою сторону, то оттягивал рукав олимпийки с циферблата электронной «Монтаны». Попутно он смолил сигарету за сигаретой, кидал бычки под ноги, закуривал по новой и нырял в машину покрутить ручку штатной радиолы. Успокоился лишь, когда динамики взорвались припевом новой песни группы «Кар-мэн».

В Багдаде всё спокойно,
В Багдаде всё спокойно...¹

Я невольно усмехнулся. Спокойно не только в Багдаде, но и у нас. За минувший час по дороге проехали только две легковушки да прополз в противоположном направлении пятьдесят третий «газ», так что я отвлек приятеля от песни неудобным вопросом.

– А барыга точно здесь поедет?

– Блин, Серый! Не сыпь мне сахар на хер! – взвился Гера. – Да и какая разница? Штукарь твой по любому. Меня с ремонтом побреют, но тоже по фиг. Долг я отработал.

Исход, при котором мы просто отсюда уедем, меня всецело устраивал, так что я спросил:

– И долго тут куковать будем?

Гера озадаченно поскрёб затылок и в очередной раз посмотрел на часы.

– Слушай, ну точно посидим ещё. В начале второго снимемся, до вечера торчать здесь не станем. Сивый о первой половине дня говорил, так что идёт он на хер с такими своими наводками, если что!

Я глянул на дорогу, заметил вдруг в просвете между деревьями красную легковушку, присмотрелся к ней и рванул к «москвичу».

– Заводи шайтан-арбу! Едут!

Гера не подвёл и тронулся с места, только я плюхнулся на пассажирское сиденье. Да и в остальном рассчитал всё буквально до секунды: мы выскочили прямо перед носом «волги», и при этом удар оказался не слишком силён. Меня сначала вдавило в кресло, а когда машина пошла юзом, немного мотануло, но ремень безопасности удержал на месте, ничего себе не расшиб.

Машины встали впритык под небольшим углом друг к другу, полоса встречного движения осталась свободной. Я первым выбрался из салона и с интересом взглянул на протаранивший нас автомобиль. Пострадал тот не слишком сильно, лишь помялась решётка радиатора. Но расцветка!

Малиновая «волга 31-02»! Обалдеть! Ещё несколько лет назад такое и в бреду представить невозможно было, а сейчас любой каприз за ваши деньги, только башляй...

Рывком распахнулась дверца со стороны пассажирского сиденья «волги», и наружу выбрался небритый парень кавказской наружности в примерно таком же прикиде как и мы,

¹ «В Багдаде всё спокойно», группа «Кар-Мэн».

правда, золотая цепь была не в пример толще Гериной. Я присмотрелся к нему и решил, что это грузин.

«Так их всё же двое...» – мелькнула в голове неуютная мысль, а ничуть не смущённый этим обстоятельством Гера достаточно благодушно поинтересовался:

– Ну вы чё творите, мужики?

Грузин наклонился к дверце и обратился на своём родном языке к водителю, тот коротко отозвался, сам из машины не выбрался. Гера воспринял этот обмен репликами на свой счёт и резко бросил:

– Пусть шары разует! Смотреть надо, куда едет!

Кавказец не стал ввязываться в словесную пикировку и вытянул из кармана заметно провисших штанов пистолет.

– Ты! Сюда иди! – с акцентом потребовал он, нацелив оружие на Геру.

Я машинально наметил движение вперёд, и тут же дуло уставилось мне точно промеж глаз.

– Замер, сука! – ругнулся грузин. – Башку прострелю! – И вновь перевёл ствол на Геру. – Сюда! Быстро!

Тому ничего не оставалось, кроме как повиноваться.

– На колени! – потребовал грузин. – Оба! Живо!

– Генацвале, чё за беспредел? – угрюмо спросил Гера. – Это вы в нас въехали, не мы в вас!

Ответом стал лязг передёрнутого затвора.

– На колени! Завалю!

Шальной взгляд кавказца не оставлял ни малейших сомнений, что он исполнит свою угрозу и пустит в ход оружие, поэтому я засунул гордость в одно место и опустился на колени, а вот Гера остался стоять, не желая представлять в столь унижительном виде перед подельниками. И что самое поганое – если застрелят его, то и меня за компанию тоже...

– Гера... – негромко произнёс я, но тут послышался шум автомобильного двигателя.

Водитель что-то сказал, и кавказец опустил руку с оружием.

– Дёрнетесь – завалю, – предупредил он и засопел в ожидании, когда проедет машина. – Замер на месте!

Удерживаемый у бедра пистолет уставился на меня, и я оставил попытку подняться с колен. Стоявшие впритирку друг к другу «волга» и «москвич» загораживали от меня подъезжавший к месту столкновения автомобиль, но замедлял он ход точно неспроста; это явно пожаловал Сивый.

– Проезжайте! – махнул грузин свободной рукой, когда машина остановилась, немного не доехав до нас. – Всё в порядке! Проезжайте!

Грохотнула короткая автоматная очередь, кавказец даже не дёрнулся, просто рухнул на дорогу как подрубленный; из входного отверстия у левого глаза на пыльный асфальт потекла алая кровь. Геру тоже зацепило, но он навалился на крышу «москвича» и сумел удержаться на ногах. Сразу поймал грудью вторую очередь и упал рядом со мной. Олимпийка оказалась прострелена в нескольких местах, по ней стремительно расплзались кровавые пятна. Судорожный вдох, влажный всхлип и всё – затих.

И вновь загромыхал автомат. На этот раз целью стрелка стала «волга», на дорогу осыпалось рассаженное пулями стекло. Затем очередь резко оборвалась и в наступившей тишине явственно лязгнула распахнувшаяся дверца. Намеревался убийца что-то забрать из «волги» или счёл нужным сделать контрольные выстрелы – мне такое его рвение в любом случае ничего хорошего не сулило. Я оглянулся на отбойник и сразу отбросил мысль спастись бегством. Пусть до кювета от силы четыре метра, не добегу, срежут. Только вскочу на ноги, и сразу срежут.

Но и не подыхать же тут?! Я на такое не подписывался! Гера, сволочь, ты во что меня втравил?!

На глаза попался выпавший из руки грузина пистолет – воронёный, с длинным стволом и звездой на бакелитовых щёчках рукоятки, и решение пришло в голову само собой.

ТТ! Патрон в стволе, курок взведён, предохранитель отсутствует как класс. Бери и стреляй, только помолись сперва, чтобы не случилось осечки...

Пальцы стиснули непривычно короткую рукоять; я прижался к боку «москвича» и замер в полуприседе, даже задержал дыхание, чтобы не выдать себя ни движением, ни звуком. И сам весь обратился в слух. Сначала всё перекрывало негромкое тарыхтение работавшего на холостом ходу двигателя машины, на которой подъехали убийцы, затем послышался лёгкий хруст стекла, распахнулась дверца «волги», и на асфальт с негромким стуком вывалилось тело водителя.

Пора!

Я вскочил с колен и вскинул пистолет. Чернявый парень цыганской внешности среагировал неожиданно шустро и дёрнулся в сторону за миг до того, как мой палец судорожно выжал спуск и грохнул ТТ. Подвели нервы, спешка и отсутствие практики: пуля ушла левее и лишь зацепила плечо убийцы по касательной, да ещё отдача сильно подкинула ствол и сходу пальнуть второй раз не вышло. Цыган вскрикнул и схватился за цевьё болтавшегося на ремне «уко-рота», начал направлять его на меня и одновременно заваливаться, намереваясь укрыться за «волгой». Я отступил в сторону, поймал на прицел голову убийцы и совершенно спокойно и осознанно пальнул второй раз, всадив пулю точно в лоб. И сразу присел на корточки.

Слух не подвёл, металлический лязг и в самом деле оказался щелчком дверного замка. От зелёной «пятёрки» на встрече громыхнул ружейный выстрел, и картечь вынесла стёкла задних дверей «москвича»; на голову посыпались осколки. Этим всё и ограничилось: то ли стрелка смутил собственный промах, то ли напугала смерть подельника, но кидаться в атаку он не стал и занял позицию за капотом своего автомобиля. Я прекрасно расслышал, как скрежетнуло по металлу цевьё ружья и лязгнуло карабин ремня.

Хреново. Дистанция между машинами не больше пяти метров – только высунуть и меня снимут на раз-два; заряженная картечью двустволка на таком расстоянии даст фору любому пистолету. Вот только обзор с той точки далеко не идеальный...

И я вновь оглянулся на обочину. До деревьев метров двадцать, скорее даже меньше, на адреналине долечу в три секунды. Там кювет и уклон, пока противник обогнёт машины и доберётся до отбойника, уже в лесу затеряюсь.

Должен успеть! Должен!

Я пригнулся и, укрываясь от стрелка с дробовиком за кузовом «москвича», побежал к дорожному ограждению, а там резко перемахнул через него, сгруппировался и кубарем пока-тился по склону. Щебень, грязь, трава...

Запоздало рывкнуло вдогонку ружьё, заряд понаделал дырок в отбойнике, я перекувырк-нулся через плечо, вскочил на ноги и рванул к спасительному парку. Со всего маху вломился в кусты и сразу нырнул в сторону, спеша сбить прицел. Сзади вновь громыхнул дробовик, и от клёна в паре шагов от меня полетела сорванная картечью кора. Я тотчас юркнул за дерево, поднырнул под сухой сук и припустил со всех ног. Четвёртый и последний выстрел угодил уже неведомо куда.

Ушёл!

16|06|1992 день-вечер

Парк я пробежал без остановок. Сначала минут десять нёсся, не разбирая дороги меж деревьев, потом вывернул на тропинку, опомнился и сунул руку с пистолетом в карман. Заодно замедлился до неторопливой трусцы, будто совершающий ежедневный моцион приверженец здорового образа жизни. Впрочем, навстречу так никто и не попался. Эта часть парка была достаточно глухой, все спортивные площадки и аттракционы располагались ближе к жилой застройке.

Прежде чем выйти в город, я забрался в кусты неподалёку от лыжной базы и уселся на ствол поваленной сосны. Адреналиновый рывок не шёл ни в какое сравнение с многокилометровыми маршами в полной боевой выкладке, успокаивать дыхание не пришлось, передышка требовалась для того, чтобы привести в порядок мысли.

Гера мёртв. Просто списан в расход, как отработанный материал. От него требовалось остановить «волгу» и умереть, и он свою миссию исполнил от и до, а сверх этого втравил в неприятности своего не слишком умного приятеля. В итоге помимо соучастия в разбойном нападении и убийстве на мне повис ещё и труп одного из налётчиков, поэтому опасаться теперь стоило не только ментов и заезжих грузин, но и доморощенных бандитов.

Смогут выйти на меня те или другие? Вопрос.

По всему получалось, что Гера и в самом деле никого о моём участии в деле не предупредил, иначе цыган не расслабился бы и не подставился под выстрел. И едва ли Сивый успел за эту скоротечную перестрелку меня хорошо рассмотреть, если и видел, то исключительно со спины. А наводить справки о приятелях Геры ему не с руки, потому как, кто бы что ни говорил, родная милиция ест свой хлеб не зря, и перестрелку с четырьмя двухсотыми расследовать станут со всем усердием; пальба из автомата – серьёзное ЧП даже по нынешним временам. С другой стороны, круг общения Георгия Бунькова пропустят через мелкое сито; тут вся надежда на то, что в первую очередь станут отслеживать его связи в криминальных кругах, а обо мне за два года службы общие знакомые успели накрепко позабыть.

Разумеется, кто-то мог видеть, как мы с Герой выехали со двора, но тут уж выкручусь как-нибудь. В конце концов, улик против меня нет даже косвенных. Единственное – пистолет...

Я достал из кармана ТТ и придиричиво его оглядел. Увесистый, чёрный, солидный. Касался его только в перчатках – кинуть в траву и забыть, но я медлил, не спеша расставаться со стволом. Пусть это орудие преступления, из которого застрелен человек, и невесть что висит на нём помимо этого, но пистолет – это пистолет. Если меня вычислит Сивый или отыщут приятели застреленных кавказцев, без оружия придётся лихо; это в милиции есть шанс запудрить мозги следователю, а вот с раскалённым утюгом на груди особо не поюлишь. Вот только сам факт обладания злосчастным ТТ не только подводит меня сразу под несколько статей УК, но ещё и связывает с убийством. Нехорошо.

Пока в голове ворочались нелёгкие раздумья, руки действовали сами собой: выщелкнули магазин, передёрнули затвор, подняли вылетевший из ствола патрон и отправили беглеца к его пяти братцам. После большой палец сдвинул затворную задержку, и кожух с лязгом вернулся на место, а дальше осталось только спустить курок и воткнуть магазин в рукоять. Имелась возможность носить ТТ с патроном в патроннике на предохранительном взводе, но в данном конкретном случае оставалось лишь гадать, насколько изношен спусковой механизм. Мне по случайности отстрелить себе хозяйство, просто сунув пистолет за пояс, нисколько не хотелось.

Ну да – скрепя сердце я решил пока что от ТТ не избавляться и на какое-то время придержать оружие при себе. Мало ли какая в нём возникнет нужда. Лучше бы не возникло, но – вдруг?

Тщательно осмотрев одежду на предмет брызг крови, я наскоро очистил её от репейника и колючек, после устроил пистолет за поясом штанов, затянув перед тем на бантик завязки. Пущенный по поясу шнур не позволил весу оружия оттянуть резинку, и та зафиксировала его достаточно надёжно, а длинный ствол прекрасно уравновесил своей тяжестью рукоять. Бежать так точно не получится, но при обычной ходьбе ТТ ни провалиться вниз, ни вывалиться наружу не должен. Сверху его прикрыла олимпийка; оружие из-под неё особо не выпирало и в глаза не бросалось.

Я встал у обнаруженной в ограде дыры и внимательно осмотрел улицу, не заметил ничего подозрительного и поспешил к ближайшей остановке. Там сходу заскочил в троллейбус десятого маршрута и замер у заднего окна, дабы заранее углядеть зелёную «пятёрку», если вдруг бегство через парк не сумело сбросить Сивого с хвоста. Но – нет, всё было чисто.

Некоторое время спустя водитель объявил, что на линии работает контроль, и я поднял с пола уже прокомпостированный талон, показавшийся наиболее чистым из всех. Возможный штраф за безбилетный проезд нисколько не пугал, но вот привлекать к себе внимание сегодня не хотелось. Именно по этой причине, когда на «Авроре» в троллейбус всё же зашли контролёры и я спешно ретировался из него через заднюю дверь, то не стал дожидаться другого, а пересел на трамвай, проехал на нём пару остановок и двинулся домой напрямик через частный сектор.

Окружённый со всех сторон многоэтажной застройкой посёлок представлял собой группы по десять-двенадцать участков, отделённые друг от друга улочками-проездами. Кругом – засаженные вишней палисадники и огороды, штакетник и высокие дощатые заборы, застеклённые веранды и резные наличники домов преимущественно послевоенной постройки. Чужаки забредали сюда нечасто, а шансы наткнуться на сотрудников милиции при исполнении и вовсе стремились к нулю. Но такое уж было сегодня моё везение, что после одного из поворотов я углядел вдалеке жёлто-синий патрульный «уазик». Рядом с ним стояло несколько автомобилей без служебной расцветки и толпились люди – кто в форме, кто в гражданском.

Я враз покрылся холодным потом и приготовился скинуть пистолет в траву, но одумался и подавил приступ паники, на следующем перекрёстке свернул налево и до предела ускорил шаг. Обошлось. Не пришлось ни сигать через забор и убегать огородами, ни выкидывать ТТ в потянувшуюся вдоль обочины канаву; на меня попросту не обратили внимания.

Сердце колотилось как сумасшедшее, горло пересохло, тряслись поджилки. Пиво! Полцарства за бутылку пива! Но сначала избавиться от ствола...

Заложив изрядную петлю, я покрутился по посёлку и уже в самом конце пути умудрился изгваздать в грязи кроссовки. Закапывая после ремонта трубы центрального отопления, коммунальщики схалтурили и оставили немалых размеров яму прямо посреди перекрёстка. По соседней улице автомобили худо-бедно раскатали две колеи, а вот мне пришлось пересекать их и пробираться через рывины напрямик.

Кое-как очистив обувь о траву, я дошёл до выстроенного на окраине посёлка детского сада, миновал его и вывернул к гаражному кооперативу, за которым и высилась родная девятиэтажка. В самой старой части вместо типовых бетонных коробок стояли куда более основательные кирпичные постройки; один из них когда-то принадлежал моему деду, а после перешёл по наследству дяде Пете. Я зашёл в небольшой закуток сбоку от него, опустил на корточки и вынул из фундамента кирпич, за которым скрывался мой давнишний тайник. Там до сих пор так и лежала пачка истлевшего «Беломорканала», а теперь на смену ей отправились ТТ и стянутые с рук перчатки.

После я седьмой дорогой обошёл автосервис Сивого и, не желая даже случайно наткнуться на кого-нибудь из знакомых, прогулялся по частному сектору, а на улицу Гагарина вывернул уже рядом с пятиэтажкой, на торце которой было смонтировано изображение ракеты; когда-то вкрученные в него лампочки горели, теперь краска с высоченной конструкции облезла и всюду виднелась ржавчина. На остановке с противоположной стороны дороги между «Союзпечатью» и Сберкассой раскинулся стихийный рынок, туда я и двинулся. Обратил внимание, что помимо газет, журналов, сигарет и ручек в киоске теперь лежат ещё и книги, но всё же прошёл мимо. Позарез требовалось промочить горло, все мысли были заняты исключительно этим.

Торговали на блошином рынке преимущественно пенсионерки. Кто-то выкладывал свои немудрёные товары на картонки, кому-то прилавком служили перевернутые дощатые ящики. Лежали пучки зелени, стояли баночки и ведёрки с садовой клубникой. Тут и там пестрели красочными картинками вскрытые пачки сигарет, реже перед продавщицами теснились ряды разнокалиберных бутылок с креплённым вином, водкой, коньячными настойками и пивом. Ну и без жареных семечек, разумеется, дело тоже не обошлось.

Не желая переплачивать, я решил для начала присмотреться к ценам и прошёлся по рынку. Заметил книги, но это распродал домашнюю библиотеку похмельного вида мужичок с трясущимися руками. Ничего интересного, сплошь собрания сочинений классиков из школьной программы. Дальше в небольшую пирамидку составили банки тушёнки, рядышком лежала стопка грампластинок, поблёскивали на солнце значки отличий и памятные знаки, висела на импровизированной вешалке ношенная одежда. Тут же продавались тарелки и чашки из разных наборов, а седовласый дедок предлагал купить прибалтийский радиоприёмник «VEF» и издававшую виды электробритву «Харьків». Его соседки разложила на газете наручные часы «Луч» с растрескавшимся кожаным ремешком, несколько отвёрток, набор гаечных ключей и фотоаппарат «Киев».

Пошелестев в карманах купюрами, я выудил пару мятых десятков и протянул их благообразного вида старушке, взамен получил бутылку «Ячменного колоса» и пять рублёвых бумажек сдачи. Пробку удалось без труда сбить, зацепив краешком о столбик дорожного ограждения и надавив сверху ладонью, но особого удовольствия глоток пенного напитка не доставил. «Колос» оказался тёплым и довольно мерзким на вкус.

Я запоздало глянул на полукруглую этикетку, сориентировался по вырезанным на её краю отметинам и не особо удивился, обнаружив, что срок годности пива истёк ещё два дня назад. И ладно бы оно хранилось в тени, так нет – на самом солнцепёке стояло. Ещё и бутылочное стекло «чебурашки» как на грех оказалось не зелёным или коричневым, а прозрачным.

«Ну, Гера, за тебя! Земля пухом!»

Через силу я сделал ещё несколько глотков, и тут кто-то осторожно тронул меня за плечо.

– Уважаемый, допьёте, бутылку не выбрасывайте! – попросил заросший густой бородой мужичок в драной болоньевой куртке, грязных штанах и кирзовых сапогах.

Вашу ж мать! Ума не приложу, как не саданул в развороте локтем.

Я в сердцах выматерился, сунул бичу бутылку с остатками пива и зашагал к перекрёстку мимо парковки, где помимо молоковоза стоял пыльный «запорожец», на лобовом стекле которого лежала картонка со сделанной от руки надписью: «Куплю золото». Ни в легковушке, ни возле неё никого не было.

Пристававший к прохожим мальчишка лет десяти со всклокоченными рыжими волосами протянул ко мне руку и заканючил:

– Дядь, дай пять рублей хлебушка купить...

На вороте рубахи темнели засохшие потёки «Момент», поэтому я молча прошёл мимо и направился к жёлтой бочке с надписью «КВАС».

– Покойника в бочке нет, надеюсь? – пошутил, припомнив историю из криминальной хроники недавнего прошлого.

Продавщица смерила меня мрачным взглядом и коротко обронила:

– Нет!

– Точно? А сегодня проверяли?

Тётка начала закипать и раздражённо спросила:

– Молодой человек, вы квас покупать будете или позубоскалить пришли?

Я сунул ей три рубля и встал у бочки с кружкой тёмного кваса, холодного и вкусного, ничем не уступавшего прежнему. Несколько глотков начисто прогнали кислватый привкус пива, а дальше уже я прикладывался к стеклянной кружке без всякой спешки. Когда она опустела, вернул тару продавщице, дождался троллейбуса восьмого маршрута, проехал несколько остановок и двинулся в обход двухэтажных домов к зданию общественной бани, где на первом этаже располагалась ещё и парикмахерская.

В середине рабочего дня обошлось без очереди, прямо передо мной мастер закончила стричь лопухого школьника, так что я без промедления опустился в кресло и сказал:

– Бокс, пожалуйста.

По проводному радио передавали новости, и ничего хорошего диктору сообщить аудитории было нечего. Завершился вывод войск из Чечни, усилился рост напряжённости в Приднестровье и на территории Югославии, грузинские подразделения осаждали Цхинвал, продолжались вооружённые столкновения на межэтнической почве и в Нагорном Карабахе. И вишенкой на торте прозвучало сообщение, что инфляция за первые пять месяцев года превысила восемьсот процентов. Когда выпуск закончился и Андрей Державин запел о чужой свадьбе, меня это лишь порадовало.

Расплатившись, я отошёл к зеркалу, провёл ладонью по коротко стриженным волосам и придирчиво изучил собственное отражение. Среднего роста, жилистый и худощавый, волосы тёмные, глаза серые. Особых примет нет, разве что нос после перелома слегка искривлён, но за это взгляд особо не цепляется. Не красавец и не урод, нас таких неприметных на улицах – легион. Не должен был меня Сивый узнать, даже толком запомнить не должен был.

Выйдя на улицу, я немного постоял перед баней, оглядываясь по сторонам, затем двинулся к недавно установленной в проходе между домами железной коробке коммерческого киоска с зарешёченной витриной и крохотным окошечком выдачи покупок. Газон перед ним утоптали до каменной твёрдости, а на случай дождя на землю кинули деревянный поддон.

Левую часть витрины занимали батончики «Марс», «Сникерс» и «Баунти», шоколад «Альпен голд», жевательная резинка на любой вкус, презервативы, бритвенные станки и каскеты к ним, тампоны, игральные карты, консервированная ветчина, пакетики с растворимыми соками и баночки с кофе, фасованные кексы и рулеты. Всё сплошь импортное, всё в непривычных цветастых упаковках. За ними выстроились ряды пластиковых бутылок с газировкой, но ни «Кока-колы», ни даже «Пепси» заметить не удалось, ни одно из названий ни о чём не говорило. Над окошком расположились пачки сигарет, коробки спичек и одноразовые зажигалки, а вот товары с противоположной от него стороны витрины меня весьма и весьма заинтересовали.

Там стояло бухло. Казалось бы – государственную монополию на торговлю алкоголем отменили совсем не так давно и вот уже ассортимент мало чем уступает ликёроводочному отделу гастронома. Цены, правда, кусались, но у нас теперь рынок. Нет денег – проходи.

Невольно подумалось, что демократы не зря вещают о превосходстве частного бизнеса над неповоротливой машиной госплана. Насчёт эффективности не скажу, а вот оперативней частники – это точно. Что, впрочем, лишь добавляло убедительности известной цитате о капиталистах и трёхстах процентах прибыли.

С тёплым пивом у меня сегодня уже вышла промашка, и этой своей ошибки я решил не повторять, а стресс снять чем-нибудь покрепче. Пусть одному водку пить у нормальных людей

и не принято, но очень уж весомый приключился повод. И нервы успокою, и за упокой Геры, земля ему пухом, накачу.

Пока определялся с выбором, два шкета лет пятнадцати отсчитали деньги на пару бутылок «Пшеничной» и заспорили, что брать: «Кроун Колу», «Зуко» или «Инвайт».

– На запивон «Инвайт» возьмём, – уверенно заявил тот, что был покрепче. – Его можно прямо в водку сыпать, ликёр для девок будет.

– «Зуко» тоже сыпать можно и он вкуснее, – усомнился второй.

– Он и дороже, а после стопаря разницы не почувствуешь. Ну и на фига тогда платить больше?

Я хотел уже шугануть их, но тут мимо протопал русоволосый плечистый здоровяк в перешитой по последней дембельской моде форме с лысыми погонами рядового, крылатыми колёсами автомобильных войск в петлицах и с вещевым мешком за спиной.

– Рома! – окликнул я одноклассника. – Ты зазнался или в шары долбишься?

Александр Романов, которого Ромой, такое впечатление, звали даже родители, резко обернулся и раскинул руки.

– О, Енот! Уже дембельнулся? А я только с вокзала чапаю!

Мы обнялись, и я предложил:

– Может, по пиву?

– Не откажусь, – согласился Рома и выдвинул встречное предложение: – Только давай разливного? На старом месте, а?

До пивного киоска мы запросто могли прогуляться впустую, и я засомневался.

– А был там завоз сегодня?

– Я мимо проходил, мужики стояли, – уверил меня Рома, шумно сглотнув. – И потянуло меня туда со страшной силой, еле сдержался!

Романов ещё со школы отличался неумеренной тягой к спиртному, не завернуть к пивнушке он мог лишь в силу банального отсутствия денег, но у меня в карманах шуршали банкноты, так что я махнул рукой.

– Идём!

Рома не ошибся, к будке с железными стенками, наглухо задраенной дверью и единственным оконцем для выдачи и в самом деле выстроился пяток потрёпанных мужичков и несколько парней помоложе. Первые подошли к делу со всей ответственностью и стояли с трёхлитровками и даже канистрами, вторые преимущественно шли на новый круг и ждали своей очереди с литровыми и поллитровыми стеклянными банками, которые брали на время здесь же.

– Здоров! – поприветствовал я всех и никого одновременно. – Как пиво? Не моча ещё?

– Нормальное пиво, недавно завезли, – ответил крайний из выпивох.

Мы пристроились за ним, и пока стояли, я в двух словах поведал Роме о месте прохождения службы. Тот уважительно поцокал языком и вдруг заявил:

– А меня в Кремлёвский полк покупатель с призывного увёз.

Я стрельнул глазами на эмблемы автомобильных войск и не удержался от усмешки.

– Да ты гонишь!

– Серьёзно! – продолжил настаивать на своём Рома. – За полгода строевой задрочили до невозможности просто. А потом мы с земляком забухали в увольнительном, нас спалили и пинка под зад дали. В Тверь.

Оставалось только покачать головой, поскольку мой одноклассник точно не лепил горбатого. Был он высоким, широкоплечим и русоволосым – хоть сейчас на агитационный плакат фотографируй, – да и с законом проблем никогда не имел, армейский покупатель запросто мог счесть такого призывника годным для службы в Кремлёвском полку. Кто б его предупредил, что Рома за поллитру родину продаст.

Я ухватил одноклассника за сверкавшую надраенной медью пуговицу и подтянул к себе.
– А где ты был девятнадцатого августа девяносто первого года?

Рома заржал как конь.

– В Тверь уже перевели. Всю веселуху пропустил.

Подошла наша очередь, и я попросил наполнить две литровых банки, благо те освободились прямо перед нами. Мы отошли в сквер и расположились под деревьями. Я сел на пенёк, Рома устроился на брошенном в траву вещмешке.

– Наших видел кого? – спросил он.

Прежде чем ответить, я сделал длинный глоток пива, то оказалось ядрёным и столь холодным, что заломило зубы. И внутри будто что-то хрустнуло, надломилось. Ослабла до безумия сжатая пружина стресса, в голове стало ясно и прозрачно. Куда прозрачней, чем даже пиво в банке.

Гера мёртв, а я убил человека.

Только тут отпустил туманивший разум шок, и получилось осознать всю глубину разразившейся катастрофы.

Гера мёртв! Пусть я не видел его последние два года, но до того общался чуть ли не каждый день. Дружил с ним, ссорился, иногда даже дрался. Играл в хоккей и футбол, в карты и «банку», сидел за одной партой и трепался на переменах, пока Гера не ушёл после восьмого класса в ПТУ. Да и после – вместе пили, ходили на стрелки, в качалку и кино. А сейчас его не стало. Умер. Погиб.

И до кучи я убил человека. Может, и раньше в кого-то попадал, но впервые застрелил едва ли не в упор. Застрелил – и хрен бы с ним, но ведь могут и найти! Не менты, так бандиты, не одни бандиты, так другие. И пронзительное осознание этого напугало буквально до икоты, словно всё случилось не далее пяти минут назад. Будто время с момента перестрелки ужалось до считанных секунд.

Плохо, плохо, плохо. Ой, как же всё это плохо...

– Серый! – одёрнул меня Рома. – Уснул, что ли? Наших видел кого, спрашиваю?

– А? – встрепенулся я, усилием воли отогнал дурные раздумья и кивнул. – Да, видел. С Герой бухали вчера. Ещё Андрюхе Фролову звонили, но ему в ночную смену было, не пришёл.

– Они где трудятся?

– Гера сам по себе вертится, Дюша на трубном, – сказал я. – Стас Рыжов, говорят, на ханку плотно подсел. Лёня Гуревич у бати на подхвате, тот сборкой польской мебели занялся.

– Толстый как обычно при Лёне? – спросил Рома о закадычном друге нашего одноклассника, отпил пива и вдруг прищёлкнул пальцами. – Слушай, я же на вокзале в Москве Воробья встретил! Деловой стал, сил нет! Пальцы веером, сопли пузырями, носки в дырочку!

– Он чего в Москве забыл?

– Челнок же! Из Турции шмотки таскает. Говорит, в Лужниках вещевого рынка открывают, там торговать будет.

– Прямо на стадионе, что ли?

– Хэээ.

Банки опустели, пришлось вновь становиться в очередь, но прямо перед нами на окошко нацепили листок с надписью «Перерыв». Толпа недовольно заворчала, кто-то из хвоста решил не терять время и попытаться удачи на других точках. Мне никуда уходить и в голову не пришло. Литр холодного и почти неразбавленного пива подарил приятную расслабленность, хотелось накатить ещё и окончательно позабыть о случившемся, словно и не было ничего. А ведь если разобраться, то ничего и не было...

Мы с Ромой какое-то время перемывали косточки одноклассникам и вспоминали одноклассниц, а потом я не выдержал и стукнулся кулаком в киоск.

– Ну долго ещё ждать?!

Окошко приоткрылось, стала видна тётка, влезшая на табурет и шурувавшая в бочке с пивом деревянным веслом. Там же примостилось несколько вёдер, бутылка водки и пачка стирального порошка. Три в одном: дополнительный объём, крепость и пена.

Пива мне как-то резко расхотелось. Я поставил банки на полку перед оконцем и потянул Рому прочь.

– Пойдём лучше чего покрепче возьмём.

Но одноклассник замотал короткостриженной головой.

– Не, Серый, в другой раз. Ещё пересечёмся. А сейчас бежать пора. Давай, покуда!

Мы попрощались, и Рома зашагал в одну сторону, а я двинулся в другую. Дошёл до «Союзпечати» и купил четвёртый том собрания сочинений Рекса Стаута, озаглавленный «Если бы смерть спала». На сдачу выдали пятидесятирублёвую биметаллическую монету; серебряный обод, жёлтый кругляш – таких и не видел раньше.

Книгу я сунул за пояс, но не спереди, а сзади; так и присесть можно, и нагибаться, а выпасть – не выпадет, и руки свободны. Ну и не прицепится никто с дурацкими вопросами, типа: «Енот, ты в натуре читать умеешь, что ли?»

Как в воду глядел: во дворе соседней девятиэтажки, через который срезал путь, толпилось десятка два взбудораженных пацанов лет семнадцати-восемнадцати на вид. На ссору во время футбольного матча сходка нисколько не походила, как не напоминала она и разборки.

Тут и там мелькали знакомые лица, я заметил Саньку и маякнул ему, а когда татарчонок подошёл, спросил:

– Что у вас за кипеш?

– Пацана убили.

На миг я опешил, но сразу сообразил, что речь идёт не о Гере, и уточнил:

– Это как?

– Да двое наших в двухэтажках у малолеток мопед отжали, а те шоблу собрали, похватили арматуру и за ними ломанулись. В посёлке нагнали, Таракан ноги сделал, а Шнурок мопед не бросил, решил на базаре с темы съехать. Ну его и замесили наглухо.

Я припомнил милицейский автомобиль в частном секторе, кивнул и спросил:

– Ответку готовите?

– Ну да. Не одолжишь на день пусковое? У тебя же было.

– Вот ты вспомнил! – только и развёл я руками. Самодельное пусковое устройство для сигнальных ракет наверняка до сих пор валялось где-то в комнате, но заниматься его спешными поисками у меня сейчас не было никакого желания.

– Ну ладно, так схожу.

– Аккуратней, смотри, – предупредил я Саньку и двинулся домой.

Газет в почтовых ящиках к этому времени уже не осталось, пришлось обойтись без свежей прессы. А только я вышел из лифта и сунул руку за ключами, как на лестнице послышались шаги.

– Сергей, подожди! – окликнул меня девичий голос. – Папа не у вас?

Я обернулся к взбежавшей на этаж черноволосой девчонке в коротеньком домашнем халатике и тапочках на босу ногу и озадаченно наморщил лоб. Нет, жившую под нами Зинку Марченко я узнал сразу; просто, когда уходил в армию, соседка-восьмиклассница была плоской как доска, а за прошедшие два года на удивление округлилась во всех нужных местах. Сейчас глубокий вырез просто-таки притягивал взгляд, да и на стройные ноги, прикрытые полами халата лишь до середины бедра, было любо-дорого взглянуть. В остальном же она дурнушкой сроду не была, тут никаких неожиданностей не случилось. Симпатичное округлое лицо отличалось чётко очерченной линией скул, а улыбка заставляла проявляться на щеках милые ямочки. Правда, бледную кожу покрывала россыпь едва заметных веснушек, да ещё аккуратный нос был слегка вздёрнут на конце, но мне нравилось и то, и другое.

По счастью Зина неверно истолковала замешательство, и в тёмных девичьих глазах замелькали смешинки-чертенята.

– Эй! Сергей, это же я! – возмутилась соседка и мотнула головой, откинув за спину не слишком длинные чёрные косицы. – Неужели забыл? А я тебя ждала и с другими мальчиками не гуляла!

– Тебя забудешь, – проворчал я и полез в карман за ключами. Отпер дверь, прямо с порога заглянул на кухню и, повысив голос, спросил:

– Дядя! Борис Ефимович не заходил?

Сидевший за столом папенька Зины, круглолицый и лысоватый, помотал головой столь выразительно, что едва не расплескал при этом из рюмки водку, да и дядя Петя оказался с ним всецело солидарен и во всеуслышание произнёс:

– Нет, сегодня не заходил.

Пришлось обернуться и разочаровать девчонку. Та вздохнула, пригласила меня на чай и пошла на свой этаж, а когда я запер дверь и присел на пуфик разуться, её папа воздел к потолку указательный палец и наставительно произнёс:

– Только теперь я не Борис Ефимович, а Борис Нахимович.

– Интересно девки пляшут, – хмыкнул я, проходя на кухню. – За два года родину поменять – раз плюнуть, но чтоб родного отца...

– Не язви, молодой человек! – потребовал Борис, чокнулся с моим дядькой рюмками, и они выпили. На столе помимо бутылки водки лежали буханка белого хлеба и палка салями; как видно, закуску принёс с собой наш сосед.

Дядя Петя шумно выдохнул и сообщил:

– Он теперь не Марченко, а вовсе даже Михельсон.

– Да вы никак на историческую родину супруги собрались эмигрировать? – удивился я и заглянул в холодильник, но еды там с утра не прибавилось.

– Времена нынче такие, что ничего заранее сказать нельзя, – с неподдельной тоской вздохнул Борис Ефимович.

– Ты самого главного для эмиграции не сделал, – усмехнулся в прокуренные усы дядя Петя.

– Это что же?

Дядька выложил на разделочную доску палку салями и одним резким движением ножа откромсал от неё изрядных размеров кусок.

– Обрезания.

Кандидата в репатрианты от этой пантомимы явственно передёрнуло, и он покрутил пальцем у виска.

– Ты как себе это представляешь: там всех по прилёту в аэропорту трусы снять заставляют или в иммиграционной службе просят мужские приборы к досмотру приготовить?

– Уедешь, так и так придётся обкорнать. Уверен, что твоя Софочка оценит? – хмыкнул дядя и обратился уже ко мне: – Чего мнёшься? Макароны в кастрюле на плите, хлеб и колбаса на столе.

– И рюмку возьми, – поспешил сменить тему Борис Ефимович. – На работу не устроился ещё?

– Нет.

– А в армии чего не остался?

– Оно мне надо? – фыркнул я, усаживаясь за стол с тарелкой макарон.

– Хоть какая-то стабильность.

– В гробу эту стабильность видел, – фыркнул дядя Петя, отошёл к окну и закурил. – Слышал, курсанта в лётном училище из-за автомата на посту зарезали?

– Беда, – вздохнул наш сосед. – Слушай, Сергей, а может, к нам сторожем пойдёшь?

Работал Борис Ефимович завхозом в одном из местных НИИ, а с деньгами у бюджетников было не ахти, и я поморщился, но дядю Петю это предложение невесть с чего не на шутку заинтересовало.

– Излагай, – попросил он.

– Нам финансирование обре... тьфу-ты!.. урезали, новый корпус достроить – достроили, а на переезд средств нет. Я директору всю плешь проел, чтобы арендаторов пустил, а он ни в какую. Государственная собственность, говорит. Мол, нэпманов всех к стенке поставили, и эта вольница рано или поздно кончится. Упёртый он у нас. Партийная закалка, не хухры-мухры.

– Партийные вперёд трусов в демократы бежали записываться, – возразил дядя Петя.

– А наш не такой. Вроде, не по партийной линии шёл, настоящий учёный с публикациями за рубежом, а как дитё малое. Ему в Англии предлагали хорошую должность в лаборатории и кафедру в университете, так даже слушать ничего не стал. А у нас там ещё, как назло, под боком стройка началась. Если не хотим, чтобы разворовали всё подчистую, нужен сторож. Ставки я выбью – пусть хоть лаборантов сокращают, но без охраны не обойтись.

– А мне чего не предложил? – обиделся дядька.

– А чего тебе предлагать? Ты, ясно дело, не откажешься спать за деньги на работе. Там как раз два человека нужны, иначе не получается.

Дядька кивнул и разлил по рюмкам водку. Я хотел отказаться, но не вышло. Обмыть сделку – это святое. А дальше всё вернулось в привычную колею. Дядя Петя сокрушался, что Ельцин в своё время крайне неудачно упал с моста, ничего себе даже не сломал и не утоп. А Борис Ефимович что-то путано вещал о грядущей приватизации и каких-то там ваучерах. Потом он имел неосторожность высказаться в защиту Явлинского, и дядька взвился, словно ужаленный.

– Пятьсот дней?! Баба половину этого срока ребёнку вынашивает, а тут страну поднять!

– Ты-то что в этом понимаешь?!

– Ага-ага! Еврей плохого не предложит! С таким подходом русских в правительстве уже не осталось!

– Антисемит пещерный, что ты смыслишь в программе Явлинского?!

– Читай по губам: про-фа-на-ция, де-ма-го-гия, по-пу-лизм!

Приятели сцепились, с пеной у рта доказывая собственную правоту, а я быстро доел макароны и хотел уже потихоньку улизнуть в свою комнату, но припомнил утреннее происшествие и спросил:

– Борис Нахимович, а не в курсе, чего Светловыми гэбэшники интересуются?

Сосед смахнул пот с круглого лица и с нескрываемым удивлением уточнил:

– С чего взял?

Я рассказал об утреннем разговоре с парочкой оперативников и от себя добавил:

– Они Лидкой интересовались, но подходы к людям по-разному ищут.

– А! – понимающе протянул Борис Ефимович. – Двое из ларца и к моей Зинке заходили, тоже о друзьях Лидки спрашивали, они ж не разлей вода с первого класса. Но те товарищи не конторские. Наверняка служили там раньше, да только на вольные хлеба подались. В службу безопасности Росметбанка.

– А банк тут с какого бока?

– Лев Светлов там предправ. Председатель правления, в смысле. Самый главный.

Новость эта оказалась неожиданной не только для меня, но и для дяди Пети.

– Когда успел? На металлургическом же всю жизнь работал! – округлил он глаза, вдавив окурок в пепельницу.

– По финансовой части работал, – счёл нужным отметить наш сосед. – Они там от бартера уже вешаются, даже зарплату ширпотребом выдают. И ладно японские видеодвойки предла-

гали работникам выкупать, а то и тряпьё всякое втюхивают. Вот Лев Ильич и продал создание карманного банка, ну и сам там большим начальником стал.

Я потёр переносицу.

– А чего тогда служба безопасности его дочерью интересуется?

– Да мало ли! – фыркнул Борис Ефимович. – Возраст у Лидки такой, что глаз да глаз нужен. Может, с дурной компанией связалась или залетела. Акселератки, они такие. Моя ещё ничего, и то, чувствую, скоро с ней поседею. Скорей бы уже замуж выдать.

– Облысеешь раньше, – поддел соседа дядя Петя.

– Ты наливай уже, чего водку греешь? – не остался тот в долгу.

Я ретировался с кухни в большую комнату и оставил на полке серванта пару двухсоток в качестве взноса в общий бюджет, заодно взял лежавший среди хрустальных салатниц и цветастых статуэток с дырочками для дымящихся фитилей морской бинокль. Затем отыскал у себя в столе тетрадь и карандаш, забрал оставленную на тумбочке книжку, обулся и выскользнул в подъезд. Люк на крышу был не заперт, выбраться наверх удалось без всякого труда.

Разведка – наше всё, и без наблюдения в этом деле никак не обойтись. Пусть идею отмстить за смерть Геры я всерьёз и не рассматривал, но вот беспокойно было на душе и всё тут. Вроде, и следов не оставил, а страшно. Без дураков страшно, даже две стопки водки поверх литра пива это мерзкое ощущение унять не смогли. Запросто ведь голову оторвать могут за сегодняшние выкрутасы. Не те, так другие.

Вид с дальнего конца дома на автосервис Сивого открывался просто отличный, особо не мешали даже росшие на его задворках тополя и кусты, а бинокль с мощной оптикой позволял нивелировать расстояние. Я разлёгся на краю крыши и обнаружил, что способен разглядеть даже самые мелкие детали. Вот и здорово – информация лишней не бывает.

Солнце висело за спиной, и отблеск стёкол никого насторожить не мог, да никого в сервисе и не было. Во дворе стояла полуразобранная иномарка, а ворота бокса с крыши хоть и не просматривались, но создалось впечатление, что он закрыт. Ворота точно были закрыты.

Я повёл биноклем по частному сектору и далёкой ветке трамвайной линии, после оглядел территорию детского сада, мимо которого шла дорога к гаражному кооперативу, и взялся за книгу. «Если бы смерть спала». Ну да, ну да...

Прочитал семьдесят страниц, время от времени посматривая вниз, прежде чем в гаражи заехали зелёные «жигули». Сивый загнал машину во двор, выбрался из-за руля с каким-то дипломатом и унёс его в бокс. Почти сразу вернулся и вытянул с заднего сиденья длинный брезентовый свёрток. Утащил и его, но вскоре снова появился во дворе, снял майку и облил из шлага голову, а после с бутылкой пива уселся на стоявшую у забора лавочку и подставил голый торс солнцу.

По правому плечу владельца автосервиса расплылся синяк, как бывает, когда стреляешь, неплотно вложив приклад, и это развеяло последние сомнения в том, что напарником застреленного мной цыгана был именно Сивый. Вот же сволочь какая...

Следующие полчаса ничего не происходило, затем прикатил ИЖ-Комби. Трое чернявых ребят о чём-то переговорили с хозяином сервиса, погрузились в машину и убрались восвояси. Общение точно шло на повышенных тонах, очень уж экспрессивно все махали руками, но с такого расстояния ничего разобрать не удалось.

Я взял карандаш и записал в тетрадь рядом с номером зелёных «жигулей» ещё один регистрационный знак. Постепенно солнце начало клониться к закату и подошла к концу не слишком толстая книжка, а Сивый засел в боксе и носа из него не казал. Вернулась утихомиренная цитрамоном головная боль, скука переросла в откровенную маету. Тут и там ходили люди, изредка мимо проезжали автомобили, но всё это было не то. Лишь однажды внимание привлекла вишнёвая «шестёрка», да только она в гаражи заезжать не стала и остановилась в переулке по соседству.

А Сивый продолжал сидеть у себя в боксе. Меня всё сильнее подмывало плюнуть на свою затею и перестать играть в частного сыщика, я даже начал подниматься с рубероида, когда заметил шагавшую мимо ограды детского сада фигурку. Поднял бинокль и убедился, что зрение меня не подвело и по дороге и в самом деле шагает Тоха. Я зашарил глазами по крыше, выискивая, чем бы запустить в пацана, не проломив ему случайно при этом голову. Когда вновь глянул вниз, Антон лежал на земле, а над ним склонился незнакомый мужик в лёгкой брезентовой спецовке и спортивных штанах. Он пару раз ткнул парнишку ножом под дых, выпрямился и махнул кому-то рукой.

Загнанная в переулок «шестёрка» сдала назад, выскочивший из-за руля водитель открыл багажник, и в четыре руки убийцы погрузили туда бездыханное тело паренька. Хлопнула крышка, мужики запрыгнули в «жигули» и покатали прочь. Я едва успел разглядеть регистрационный номер и быстро, пока не забыл, записал его в тетрадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.